

Кирилл Комаров

ЯИБЭ

Издательство
ПЛАНЖ
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К63

Оформление обложки Владимира Ходукина

ЯИБЭ / Кирилл Комаров — М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2023. — 230 с.

«Хороший был у нас город, не падкий на безумие. У многих цвели свои сады, где собирали вишню. Женщины варили варенье, мужчины рыбачили, дети и старики росли. А кто уезжал — жалел и писал тем, кто остался: жалею, тут, где я сейчас, намного хуже. Что за город был чудесный! Название вам едва ли что-то скажет. С одного из финно-угорских языков оно переводится то ли как „возмездие“, то ли как „радушие“ — спорят учёные. Похожих городов по России — дюжин сто. Поезжайте, ещё застанете. Посмотрите, как у нас было. Потому что в нашем всё перевернулось. Кончилась сказка, зазвучала действительность».

В романе Кирилла Комарова «ЯИБЭ» люди ищут себя и друг друга, а находят смыслы и их отсутствие. Эта книга о личных коллизиях человека творческой профессии. И кто скажет, чем она заканчивается: триумфом или падением. А что скажете вы, когда прочтёте эту книгу?

ISBN 978-5-6045678-0-7

© Комаров, 2023

© Издательство «ПЛАНЖ», 2023

Часть 1. СМEX

*А если б вы знали, что там, в зной,
жнёт беременная баба...*

Хороший был у нас город, не падкий на безумие.

У многих цвели свои сады, где собирали вишню. Женщины варили варенье, мужчины рыбачили, дети и старики росли. А кто уезжал — жалел и писал тем, кто остался: жалею, тут, где я сейчас, намного хуже.

Жители знали друг друга и честно смотрели в глаза соседям. Никто не приставал с ненужными расспросами. «Что это у вас каждую ночь кричат женским голосом? Бьёте жену?» И без того было известно, да, бьёт, но за дело. А если за дело, то какое оно наше? Может, она ему жить не даёт. Не живи, говорит, и покончим на этом.

Случалось у нас, конечно, серьёзное. Не государственная измена, куда нам, — помельче. Убийство. Приехал в наш город человек и не уехал — убили. Остановился в гостинице, пошёл вечером подышать самым сосновым воздухом в лес, а утром его грибник разыскал. Валяется приезжий, а рядом — нож. Отвезли нож на экспертизу, но эксперт сказал, никаких следов. Боровик ножом резали, это да, свежий, крепкий, а человека не трогали. Какое-то время подозрения полежали на том самом грибнике, но у него пол-леса в свидетелях: солнце, дятлы, ветви. Всех проверили, в газете написали: не волноваться, мол, несчастный случай. Я лично статью писал.

Пилоты вели самолёты над городом — и те притормаживали. Разглядеть эту каплю: не то пряной смолы, не то мёда.

Что за город был чудесный! Название вам едва ли что-то скажет. С одного из финно-угорских языков оно переводится то ли как «возмездие», то ли как «радушие», — спорят учёные. Похожих городов по России — дюжин сто. Поезжайте, ещё застанете. Посмотрите, как у нас было. Потому что в нашем всё перевернулось. Кончилась сказка, зазвучала действительность.

+++

Мы не знали, что и думать. А когда не знаешь, начинаешь сочинять. Говорили, это в Москве решили поставить над нами эксперимент. То есть взять маленький город и превратить его в филиал большого, но с прежними жителями. Посадить в нашу плодородную землю свою ядовитую рассаду. Помочиться на наши вишнёвые деревья... впрочем, это я уже от злости говорю. Да вы бы тоже разозлились, попадись вы в такие сети. Вот смотрите: где работал хороший молочный магазин, открыли модный журнал. Вместо училища — клинику преждевременной детской фертильности. А прямо в поле — завод с газировкой. И так далее. Только специалистов не завезли, оставили местных. И получилось, что заметку «Десять способов не забеременеть от старика» пишет бывший кассир. За фертильность отвечает преподаватель философии. А агроном проводит встречи с партнёрами и без. И даже если куда-то закинули специалистов, то около таких же: вышеописанных. Скоси одного косой — на его месте трое новеньких появятся, а о скошенном уже все и забыли.

И всё это растёт, переливается и плесневеет. Как будто все новый канал строят к намеченной дате. А кто не строит, — книгу красивую о нём пишет. Чтобы весь тираж впоследствии испечь.

Никто уже в глаза не смотрел: их не различить было. И жители нашего сползающего в пропасть города вместо того, чтобы протестовать, засуетились. Забегали. Как будто в агонии задумались, как они смотрятся, что вокруг творится. А вокруг — что ни месяц, то обновка. Пекарни, спортклубы, закулочные, кофейни, магазины, компании. И наступают они крепостью на наше хилое войско, обратным ходом.

Хуже всего я переживал, когда мою любимую пивную раздавил Центр юношеского превосходства «Тамерлан». Всё стало как в Москве или ещё подальше. Курсируя мимо «Тамерлана» и родственных заведений, я сильнее всего удивлялся, что жители не покидали тонущий город, что и я не покинул его. Наоборот — появлялись новые люди: из близлежащих городов и сёл. В комфортной одежде. С остро отточенными блестящими привычками, приобретёнными позавчера. Молодые и стремительные. Мы смотрели на них и менялись тоже. Как считалось — к лучшему. Перестали обедать дома, собираясь в кафе. Перебарывая лень и похмелье, возвышались на беговых дорожках. Спотыкаясь, шли в ногу с пленительным и бурлящим временем. И глядели бодро и чуть насмешливо.

Наши матери, наши бедные матери, не узнавали нас. Разве могли они угнаться за детьми, ведь мы были дети завтрашнего дня. Наши остроты звенели громко и пронзительно, на иностранных языках. Наши ночи текли под контролем десятков приборов.

В наших ваннах была вода определённой общепринятой температуры. Отцы — те попросту запыли, осознав беспомощность, смотря в удаляющиеся спины. Мы уезжали на трамваях, которых город прежде не видел, есть утреннюю сдобу, которую город прежде не пробовал. Как скоро, как неуловимо скоро перелистнули мы вчерашнюю страницу, а ведь только что мы, брезгливо жмурясь, брались за её краешек.

Но приезжие всё равно сильно нас обогнали. Они нагрянули к нам с уложенными удобными сумками, пока мы всё ещё паковали старые чемоданы всяким тряпьем, место которого давно уже в церкви. Мы шли за ними и вели сквозь лабиринты пещер каждый свою Бекки, держа её за маленькую и, как нам казалось, преданную руку. Конечно, приезжие желали идти быстрее, проскочить каменные своды и увидеть синее небо уже сегодня. Неудивительно, что многие из наших Бекки пошли с ними: пока мы копались с факелами, новые люди просто доставали фонари.

Мы продолжали путь, мало что понимая. Кто-то должен был объяснить, почему всё так происходит. Почему нужно рушить старое здание и защищать его руины. Зачем вовлекать в обсуждение призраков онанистических сеансов целые общества. Почему безобразный ожог на боку делает тебя неповторимым. Кто причислил километровую прогулку к достижению. Спросить нам было, в общем, некого. А спроси мы — получили бы в ответ едкую ухмылку. «Не понимаете? А к чему тогда вы...»

Глупо блуждать по музею, в котором сторож выключил свет: можно упасть и так и пролежать до утра у шкафа с местной рыбой. Кто-то должен был появиться и если не разъяснить нам всё, то хотя бы — показать план эвакуации. Ведь вокруг нашего города

ютились и другие города и местности, наполненные такими же непонимающими.

Поэтому, в конце концов, в центре города вылупилось и развернуло крылья — Агентство.

Не помню, кто из моих знакомых впервые сравнил их с детской каруселью, но точнее придумать никому не удалось. В самом центре, на металлической оси, держалось Агентство, а вокруг, вцепившись в тигров и коз, вращались испуганные дети. Ось лишь едва ускорялась, а дети кричали и плакали, роняли обувь, падали с животных.

В Агентстве нам всё разжёвывали и клали в рот — только глотай, не думая.

Они стали скверными шутниками, объясняющими шутки. Или ещё хлеще: теми людьми, которые после чужой шутки говорят: «Конечно, а как же иначе», надеясь, что узенький лучик весёлой славы упадёт и на них.

Со временем они нас во всё посвятили. Про руины здания и про ожоги. Про сдобу и беговые дорожки. Их безмерно зауважали в городе. Им предлагали себя такие девушки, которые прежде смотрели только на собственные фотопортреты, где они у воды или с большим надувным мячом. Все, кто считали себя хоть сколько-нибудь практическими и нужными, старались вскочить на карусель. А я, хоть и старался, долго не понимал, зачем всё-таки понадобился Агентству. Да, я перенял некоторые

манеры, но по-прежнему горевал по пивной, осторожно относился к трамваям и порой казался стариком, который вламывается с порнокассетой в VR-кинотеатр. Узнал всё я лишь в самом конце.

+++

Когда они меня разыскали, моя милая городская газетёнка стала спортивным инновационным изданием «Большой лыжный окрик». Нами (то есть мной, фотографом и главным редактором) разбавили огромную толпу менеджеров, маркетологов, продуктологов и юристов. При этом все статьи писал я один, оправдываясь на летучках за скверно выбранную тему. Два года я ждал, что меня выкинут с позором, но меня держали, смеясь и угрожая. Выгнали только после лонгрида о тайном обществе стрельбы по движущимся мишеням, которое я разоблачил. Оказалось, что три дня в неделю стрелки палили по обычным глиняным тарелочкам. А на четвёртый раз собирались, чтобы поразить выстрелом живого гуся. У всех членов общества были красивые итальянские ружья с одинаковой гравировкой «Бей гусей, спасай лисицу». И окровавленная ощипанная тушка с розой в клюве. Я назвал статью «Га-га-га», а через две недели покинул «Большой лыжный окрик» почти по собственному желанию.

А ещё через несколько недель оказался в Агентстве. Причём этому предшествовал странный случай.

+++

Я с усилием дорабатывал последние дни в «Большом лыжном окрике», когда меня отправили на интервью со Степаном Коро-

лёвым, автором полусотни триллеров. Он уже лет тридцать жил в нашем городе, но встал в полный литературный рост только теперь, когда начались все изменения. Возможно, я никогда не попал бы к нему, если бы он вдруг не написал книгу на спортивную тематику — «Овертайм человеческой подлости».

Разговор поначалу получился скучноватым: немолодой писатель ходил у рояля, касался клавиш, выбирая в основном чёрные. Он много говорил об успехе и маршрутах к нему, курил трубку. А я неохотно слушал. Так часто случается, когда ничего не держит, а уйти нельзя.

— Главное — это название, — сказал он, — оно должно пугать, манить. Я редко мучаюсь дальше первого слова, но его, это самое первое, — отыскать надо непременно. Я действую так. Первым словом должно идти такое, чтобы оно обозначало цифру. Люди боятся цифр. Пять, одиннадцать — это очень страшно. Это время, время, утекающее от нас. Так что в любом моём названии сначала стоит цифра или временной промежуток. А дальше... дальше можно нести что угодно и желательно — не сдерживая себя.

Я мысленно пробежал по его книгам. «Семь восковых пианистов», «Полчаса, пока все лягут», теперь вот «Овертайм человеческой подлости». Писатель не врал. Я выключил диктофон.

— Почему вы так откровенны? — спросил я. — Ваше интервью появится в моём издании, другие писатели подхватят вашу манеру.

Он перебил меня.

— Мне не страшно это. Я так много писал о времени, что овладел им. Я вижу его насквозь. Я слишком искусно управляюсь с ним: целиком и по кусочкам. Я овладеваю минутами, сплю с часами, пожираю дни, растлеваю столетия. Никто не сможет написать так же. Вот вы же пишете статьи, значит, и придумываете заголовки. Давайте так: я буду говорить первое слово, и мы по очереди, не задумываясь, будем предлагать продолжение. И вы поймёте, что мои — намного лучше.

— Ну, давайте.

— Месяц... — начал он. — Говорите быстрее любую чушь.

— ...невысказанных страданий, — сказал я.

— ...мёртвых птиц.

— Ваше лучше, — признал я.

— Ещё бы, — сказал он, — видите, там два «м», это усугубляет красоту. М, месяц, м, мёртвых... Давайте дальше. Четырнадцать...

Я уже приготовился, поэтому выпалил:

— ...чёрных течений.

— Недурно, — одобрил Королёв, — но вы перегнули с «ч», куда столько, это же не детская считалочка. Четырнадцать чёрных течений сочилось, качаясь, сквозь ночь... Я бы дал так: «Четырнадцать белых ловушек». Почему моё лучше: потому что тайна кроется. Что за белые ловушки, почему их четырнадцать...

Мы прекратили сражение: он везде обходил меня. Я спросил:

— Если время для вас не секрет, может, вы и будущее знаете.

Он отмахнулся:

— Это проще, чем несколько рисовых пятнышек (то было название его ранней книги). Вы и сами его знаете.

— Я?

— Да. Каждый человек так желает чего-либо, что эти желания рельсами пролегают у него на лице.

— И чего желаю я?

— Устроиться куда-то, где вы будете как все, но делать что-нибудь такое — повеселее.

— И всё?

— До копеечки. Опять «ч», вы меня заразили.

— А...

— Да, совсем скоро. Правда, много трудного случится.

На меня вышли из Агентства дней через десять. А Королёв вскоре уехал из нашего города. Его книги как будто уехали вслед за ним: они пропали из магазинов, и уже никто не сказал бы наверняка: жил он у нас или не жил. Говорили, что его квартиру сдали старухе, совершенно не интересовавшейся никакой литературой.

+++

Вышли на меня тоже не совсем привычно. Как будто я бабочкой сидел на простецкой, ещё никем не квашенной капусте, а начинающий энтомолог, полюбивший своё занятие после красивого обучающего видео, принял меня за павлиний глаз. Я пил пиво в недавно открывшейся пивной со школьным другом Игорем. На месте этой пивной ещё три месяца назад была другая, а до этого — ещё одна. Не хочу показаться обскурантистом, но открылись они в помещении бывшей парикмахерской, которая проработала пятнадцать лет. Прежние заведения держались надёжнее.

Впрочем, Лариса — мужской мастер из той парикмахерской — никуда не делась, просто сменила ножницы на двадцать пивных кранов. Женщины приучаются ко всему безболезненно, и уже

через пару недель после открытия Лариса сверкала новенькими словами не хуже, чем ножницами. Рекомендовала сауэр эли, предостерегала от имперских стаутов, отпивала барливайна, чтобы быть с посетителями на единой волне. Сказалась её стажировка в известном московском заведении «Весна Эдипа». Сегодня она посоветовала нам с Игорем балтийский портер с малиной. Мы и не заметили, как он занялся спонсированием наших откровений.

— Ищу, — сказал я, — не очень активно, но ищу. Сейчас какие-то вопросы странные задают. Кем вы видите себя через пять лет? Ну, наверное, не пожарным, если я сразу после института как пошёл в газеты-журналы, так и торчу там. Хотя, если вот как Лариса (я кивнул в сторону барной стойки)... Откроется вместо газеты пожарная часть, я и начну тушить всё, что горит. Переучусь.

— Какое хорошее пиво, — ответил Игорь, — разве два года назад мы могли бы с тобой пить малиновое пиво, да с удовольствием. Переучились же.

— Ты к чему?

— Мы с Мариной разошлись.

— Почему?

— Сказала, что не видит развития наших отношений. Такая же чушь, как и тебя спрашивают про пять лет. Какое развитие? Ну, допустим, поженились мы. Родилось сорок детей. Какое ещё развитие? Как будто она развивается. Ведь нет же: та же Марина.

— Расстроился?

— Да так. Просто ты скажи, ну какое развитие? Никто ведь не развивается. Или она хотела, чтобы я превратился в красивый цветок, который даже во сне думает, чего бы такого изобрести для неё. Какие сельские формулировки, идиотские причины. А так-то чего расстраиваться, вон их сколько бродит.

— Мне мама говорила про вас: они предложения друг за другом заканчивают, так тонко чувствуют друг друга.

— Просто это были очень примитивные предложения. Ну обедаем, например, рядом с ней стоит корзинка с хлебом. Я показываю на него, говорю, передай, пожалуйста... А она: хлеб? И радуется. Больно уж тонко Игоря чувствую. Романтично.

— Ну, то есть не расстроился.

— Нет. Вот ты мне объясни... Как на тебя-то никто не давит? Ты же давно развёлся.

— Давят.

Игорь приподнял стакан и сильно, с чувством, опустил его на деревянный стол.

— Мне вообще кажется, — сказал он, — что, как только ты остаёшься один, у всех загорается красная кнопка. Все садятся сразу и так издали начинают говорить о тебе. «Слышал? Он один. Да, что-то такое слышал. Хмм, нехорошо. Мы вот вдвоём, и нам вон как хорошо. А то на работе весь день один, в автобусе домой едешь один, хоть дома родная душа: накормит, расспросит. Сразу лучше делается».

Он выпил ещё и продолжал:

— Самое удивительное, что даже приличные люди этим занимаются. Вот мама моя. Она же видит, что я один не истекаю кровью от голода. Но нет, как присказка всё время: найди кого-нибудь, найди кого-нибудь.

Он ушёл, а я остался ещё. Пил пиво и думал о себе, о нём, о других знакомых и друзьях. Многие к моему возрасту разводились. Разогнавшись на первой жене, не могли остановиться на второй, третьей. Тоже вроде карусели. Везде карусели, только животные разные: от случая к случаю. У меня тоже была первая жена, но совсем далеко. Зачем она была — я сказать не мог.

Вроде как открыл кран и моешь посуду. А потом, вдруг, когда захочешь помочиться, уже поздно: в раковине и рядом — чистые пустые тарелки, становится жаль помытого. И ты идёшь в туалет и даже полуминутного домашнего бунта не получается.

Малиновый портер — крепкое пиво, несмотря на ягоды, и я начал гадать, что случилось с моей женой — окончательно она отупела или нет, — когда вдруг ко мне подседа молодая трезвая девушка. Аккуратно одетая и с пачкой документов. Хмельной шум, кисловатый запах её не смущали. Она внимательно посмотрела на меня, покопалась в бумагах, отделила три листа и спросила:

— Вы — Пётр Гостев?

— Я.

— Меня зовут Татьяна. Я — представитель Агентства. Из HR-департамента. Вы же ищете работу?

— Ищу. Не очень активно, — сказал я, — но ищу.

— Нам нужны активные.

— Я активный, просто ищу не активно.

— Это хорошо. Наш метод набора персонала называется агрессивно-активный рекрутинг. Вам интересно, в чём он заключается? Я расскажу?

— Конечно.

От такой агрессивной активности я протрезвился: жена улетучилась.

— Мы считаем, что компания не должна ждать. Компания, по-хорошему, это акула, почуявшая вкус крови. Это не мои слова, это нам спускают сверху, из головного офиса в Нью-Йорке. Так вот, если Агентство чувствует кадровый голод, оно нападает. Представьте себе подводный мир.

— Спросите лучше, когда я его не представляю.

Видимо, я был пьянее, чем полагал. К счастью, она слышала уже только себя.

— Компании — это хищники, акулы. А специалисты на рынке труда — добыча, мелкая рыбёшка. А что делает хищник, когда видит добычу и при этом испытывает голод?

— Ест.

— Неверно. Хватает!

Разница была существенная, я понял, что ошибся.

— Мы же действуем проактивно. Например, сейчас вы нам не нужны. Мы — сытая акула. Но нам понравилась ваша статья в «Большом лыжном окрике». Вот эта: «Тра-та-та».

— «Га-га-га».

— Там хватало недочётов, но вы написали остро, по делу. Поэтому мы взяли вас на карандаш. На самое остриё. И если вдруг кто-то из наших Авторов захочет бросить себе новый вызов в какой-то другой компании или сфере деятельности, мы сразу схватим вас.

— Понятно. — Я решил, что разговор этот — пустой. Сытые акулы, остриё карандашика — жена поверила бы в такое, чёрт, снова она проступила на стекле бокала... Татьяна ещё рассказала мне про Агентство, но я уже не слушал. Только удивлялся, сколько всякого им «спускают» из Нью-Йорка. Я пил пиво, а она трепетала от причастности к волнующему настоящему Делу. Всё, что они творили в Агентстве, летело в костёр, обогревающий планету. И благодаря им он горел ярче, действительнее. Около пяти раз я повторил, что заинтересован. Только тогда Татьяна утихла, попрощалась и ушла. Я забыл о ней и вспомнил понятно о ком.

Недели три я продолжал поиски. Сходил даже в «Поезд, полный спорта» — журнальчик, который всегда топтался в тени «Большого лыжного окрика». Меня провели по редакции, я поговорил

с шефом отдела футбола. На нём цвело такое лицо, как будто всё, что он говорил, и вправду имело смысл. Всю беседу меня терзал злорадный вопрос: уволили ли они корректора или им просто нравилось упиваться своей безграмотностью (они писали так, словно русский язык виделся им чистой формальностью). Но, конечно, ничего я не спросил. Из редакции я вышел как секретное дерево, в которое вместо любовных писем напихали что-то неприятное.

Тем временем на меня снова стали давить, теперь по рабочей причине. И чем ближе люди держались ко мне прежде, тем яснее был нажим. Один знакомый сказал, что в моём возрасте уже нужно идти, куда зовут, потому что молодые церемониться не привыкли и расхватают места. Другой спросил, на что я живу и на что намереваюсь. Даже Лариса из пивной рассказала, как скучает по работе в парикмахерской. У всех водились одна-две истории с корпоративным запахом. Хорошо, что я попадался этим людям: можно было поделиться ими со мной.

Дошло до того, что я уже совсем собрался в «Поезд, полный спорта». Вспомнил, как злорадствовал над ними, мысленно извинился и подумал: «Ну и ладно. Ну не любят они длинное тире, и я разлюблю». И тут позвонила Татьяна из Агентства. Она сказала:

— Наш Автор Армен больше не с нами. Приходите завтра на собеседование.

За время поисков я финансово истрепался. В «Большом лыжном окрике» мне при увольнении заплатили скупое, без желания, но расходовал я эти деньги с удовольствием. Поэтому в Агентство шёл с большими надеждами.

Ради меня собралось даже не собеседование, а встреча. Позже я узнал, что ко встречам здесь особенное отношение. Их лелеяли, их ждали, их назначали на 21:15. Во время встреч пили кофе и съедали булочку с позволения коллег. Того, кто не приходил, высмеивали на других встречах. «Но ведь не вы же», — говорили сотруднику, который пытался откреститься смертью бабушки. В Агентстве всё было очень серьезно, очень. С самой первой и до последней минуты.

Я удивился, войдя в белую комнату с городскими пейзажами на стенах. Я узнал Москву, Лондон, Париж, конечно, Нью-Йорк. За столом сидело шесть человек: я-то ожидал, что мы уединимся с Татьяной. Но она совсем не участвовала, только привела меня. Её лицо было скорбно: на встречу её не позвали. Она нехотя, по очереди, называла собравшихся.

— Даша Узльбек-Шолохова, директор департамента Авторов, ваш начальник.

Я посмотрел на Татьяну, она объяснила:

— Мы — часть зарубежного агентства, The Agency, поэтому у всех директоров есть вторая часть фамилии. Если вы сделаете у нас головокружительную карьеру и станете директором какого-нибудь департамента, вам спустят сверху вторую часть фамилии.

Я кивнул, представляя себя, скажем, Оруэллом-Гостевым, а Татьяна продолжала:

— Александр Китинг-Рерих, директор Департамента Дизайнеров. Ирина Освальд-Толоконникова, директор департамента Ивентов. Светлана Нильсен-Блаватская, Финансы. Анна Дурова-Жарова, SMM. И директор HR-департамента Валентина Наст-Орлова.

Вот это да: я зашёл помочить ножки в Иванове и Кузнецове, а меня накрыло совершенно не запоминаемым приливом. «Фамилии» поднимали руки в приветствии, стараясь не повторить предыдущее. А Китинг-Рерих даже встал и сказал:

— Очень рады тебе здесь.

Все они были оглушительно молоды и красивы, подтянуты и отточены. Из-под закатанных рукавов виднелись татуировки: кинокамеры, велосипеды, футболисты, морские звёзды, добрые пожелания. На мне никогда не рисовали, и я подумал, что между нами — засаженные поля недопонимания. Я подумал бы так в любом случае: всё новое всегда представлялось мне отталкивающим. Кроме малинового портера.

Татьяна ушла. Со мной в основном говорили Уэльбек-Шолохова и Наст-Орлова. Кто-то сказал пару фраз, а Нильсен-Блаватская не проронила ни слова, задумчиво крутя в руках какую-то безделушку: не то колокольчик, не то напёрсток. Потом я бывал на встречах, где кто-нибудь обязательно отдыхал молча. Зачем их звали — секрет: я же подписывал «о неразглашении».

— Ну, расскажите нам о себе, — сказала Уэльбек-Шолохова и ярко улыбнулась.

— Ох, сколько мы этого слышали, — повернулась к ней Наст-Орлова.

Они улыбнулись вместе.

— Меня зовут Пётр, мне тридцать два года, я работал...

— Вам — сколько?

— Тридцать два.

Я почувствовал, что они борются с неодолимым желанием потрогать меня: так грибник тычет ореховой палкой в подберёзовик, проверяя на внутреннюю уцелевшесть. Со всех сторон

вдруг посыпались шутки, которые как будто достали из гробницы фараона.

— Вы знаете, — сказала Наст-Орлова, — нам всем тут по двадцать четыре-двадцать шесть. Двадцативосьмилетних мы тут уже держим за престарелых...

— Ну да... Размытое кладбище...

— Возраст пост-дожития...

— Вишенка уже варенье...

— Как вы думаете, — спросила Наст-Орлова, — вы сможете сойтись с молодым коллективом? Мы здесь — просто семья. Нет, буквально: Эс-Е-Эм-Мягонький знак и Я. Всё компанией, везде компанией. Праздники, корпоративы, дни рождения, марафоны.

— Я думаю, смогу.

— Понимаете, Армен был для нас не просто Автор. Он был...

— Часть семьи...

— Элемент пазла...

— Шарик в лабиринте...

— Супергерой...

Наст-Орлова снова взяла разговор в свои руки.

— Ладно, старость старостью, но давайте проверим вас на командный дух. Я буду задавать ситуацию, а вы — находить выход из неё. Ситуация первая: «Хромая собака». Вечером в пятницу, в конце рабочего дня, к вам подходит коллега из департамента Дизайна и говорит, что ему нужна помощь. Каковы ваши действия?

Вопрос был сложный, но я справился:

— Помогу.

Они переглянулись: достойный ответ.

— Следующая ситуация... «Эльбрус-одиночество».

Я мог ошибаться, но, кажется, нащупал ключ. Верно определил кинопросмотр как совместный. Отыскал кафе с большими

столиками. Поставил корпоративную культуру выше художественной. Наконец Уэльбек-Шолохова сказала:

— Нам понравилась ваша статья в «Большом лыжном окрике». Там есть шероховатости, мне попалась одна неточность. Но в целом...

Она оглядела остальных.

— Мы вам позвоним, — сказала Наст-Орлова.

— Ни за что не позвонят, — сказал совершенно пьяному мне вечером Игорь в пивной.

Но они позвонили. В ближайшую среду меня уже ждали, и я пришёл. Чего уж: смотрелось так, как будто мне делают огромное одолжение. Как умирающий без любимой пищи мусульманин-вегетарианец, согласившийся снизойти до свинины.

Что я чувствовал? С одной стороны, это было как новая женщина лет в двадцать пять. Ещё не подточенный ссорами высокий ствол в лесу, где стоит только это дерево. Ещё не тронуты гниением первые впечатления. Каждая кривая ещё смотрится украшением. «О, как же чудесно льются стихи, когда ты припоминаешь их после двух стаканов вина». И в каком пруду, загаженном гусями, всё тонет через несколько месяцев. «Стихи? Асадова ты считаешь поэтом? Или это повод купить вина? Лучше давай-ка я познакомлю тебя с родителями, им давно интересно, почему ты скрываешься от них».

В третьем классе к нам привели новенького. Круглого мальчика с рюкзаком, полным бутербродов. А на следующий день в школу пришёл фотограф — сделать снимок нашего класса.

Каждого фотографировали по очереди, а в конце должен был собраться весь класс. Учительница бормотала:

— Это вам на долгие годы, на долгие годы.

Когда фотография была сделана, а фотограф ушёл, оказалось, что новенький не ходил на общий снимок. Он ел бутерброды и слушал плеер, сидя на последней парте. Мы набросились на него, а он невозмутимо ответил:

— Да ну, я лучше Slayer послушаю. Чё мне эти фотографии...

— Это же на долгие годы... А тебя не будет... — холодея, сказала учительница. Год спустя он переехал вместе с семьей, и его никто не вспоминал. И даже как звали его, никто не сказал бы с ходу: Костя, Кирюша. Но его невозмутимое бутербродное лицо я не забыл. И мог бы точно сказать, почему оно пришло мне на ум сейчас, перед первым рабочим днём...

+++

В каждом департаменте был начальник и по четыре обычных сотрудника с обычной фамилией. В среду, в одиннадцать утра, четвёртым сотрудником департамента Авторов стал я. Все департаменты так и назывались: Авторов, Создателей, Графиков. Стандартную бухгалтерию — и ту называли департаментом Финансового благополучия.

Татьяна водила меня по комнатам до заиндевания улыбки. Я никого не запомнил и очнулся только в комнате, которую занимал мой департамент. Я опознал его по Узльбек-Шолоховой. Остальную тройку я увидел впервые, кажется, они были ещё моложе.

— Ну как тебе? — спросила она. Я посещал здание Агентства в детстве, когда оно ещё было банями, поэтому знал, как мне, уже лет двадцать.

— Хорошо, — сказал я, — уютно.

Она улыбнулась.

— Скоро тебе совсем не захочется отсюда уходить.

— Я люблю свою работу, я приду сюда в субботу, — сказала одна из Авторов: милая девушка с беспросветным лицом. Остальные засмеялись. Уэльбек-Шолохова назвала их имена, но их засосало, как рыжих собак в полчища диких пчёл. Потом я знакомился с ними заново.

— Я иногда вечерами сижу, — продолжала Уэльбек-Шолохова, — и думаю: идти домой, нет.

— Да, да, — согласились все.

Я сел за рабочий стол и увидел, что на нём стоит чья-то чёрно-белая фотография и маленькая вазочка с пластмассовой розочкой.

— Кто это? — спросил я.

— Это Армен. У нас такая традиция: человек не просто поменял работу, он оставил семью. Тебе не мешает? Она простоит всего день.

Возвращаясь в памяти к тому моменту, я понимаю, что именно тогда впервые подумал: «Что за уёбки?» До глухого раздражения и ненависти предстояло пройти ещё много километров, но первоцвет уёбищности проклюнулся в то мгновение. Его тут же сорвала Уэльбек-Шолохова, обмакнув меня в текущие задачи. И вновь я отметил нечеловеческую скорость происходящего.

— Смотри, у каждого из нас есть свои клиенты, для которых мы пишем. Иногда, если задач по клиенту много, над ними могут работать два Автора. Мы решили, что тебе пока достанется Центр

преждевременной детской фертильности: у них слишком много негативных упоминаний в СМИ в последнее время, будешь исправлять. Плюс вести их соцсети: рассказывать об акциях, новом оборудовании. И ещё тебе достаётся журнал «Мужской Секс». Большая просьба запомнить сразу: он просят писать оба слова с заглавной буквы.

— Но это же...

— Понятно, что неправильно, но это клиент. И его просьба. А мы работаем до полного удовлетворения.

— Ну да. Это же — мужской секс, — сказал я.

— Вот, да. Я уже сегодня попрошу тебя написать новость для них. Они недавно провели исследование, которое показало, что «Мужской Секс» читает уже 17% женщин. Я пришлю все цифры, название агентства, которое делало исследование для них. Это всё безумно интересно. Напомни мне сегодня. Теперь про учёт рабочего времени. Все задачи мы получаем и отмечаем потраченное время в нашей системе Family Office. Сейчас придут ребята, подключат тебя...

Она рассказала ещё про почту, столовую и ушла на встречу. Я остался наедине с Авторами: двумя девочками и мальчиком. Не думаю, что их имена поменяли бы что-то в моём рассказе, поэтому я обозначу их прозвищами, к которым всегда мысленно обращался в момент общения с ними. (За редким исключением я применил этот же подход ко всем в Агентстве.) Итак, я остался наедине с Кривым ебалом (мальчик), Сонным бурятом и Миссис Зоб. Я старался давать несложные прозвища. Так было легче понять, о ком речь, а ещё — мне не хотелось тратить изобретательность попусту.

Мы пошли в столовую. Перед этим они долго спорили, честно ли идти без Уэльбек-Шолоховой. На споры потратили минут

пятнадцать. Я понимал, что по одному в столовой им трудно, и поэтому не лез.

— Ага, — говорила Сонный бурят, — а если она сейчас придёт со встречи, а мы ушли? Тебе бы так хотелось?

— Да, но что если у неё встреча на два часа? Я бы не хотел быть стопором, который удержал трёх голодных человек от похода в столовую.

— То есть она стопор?..

— Я не об этом...

В итоге они написали ей во внутреннем чате, а Сонный бурят дополнительно оставила записку на клавиатуре. Смысл был в том, что, если Уэльбек-Шолохова вернётся, пока мы ещё будем в столовой, она запросто может написать нам, и мы принесём ей еду навынос. «Мы все с телефонами», — написала Сонный бурят.

В столовой ванна обильных разговоров продолжила переполняться.